

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
В БОРЬБЕ ЗА СПЛОЧЕНИЕ СИЛ
РУССКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ
(1859—1861)

М. В. Нечкина

Гениальный учёный, писатель и критик Н. Г. Чернышевский был прежде всего активным борцом русского революционного движения. Он понимал, что лишь революционная сила может разорвать путы старого, одряхлевшего феодально-крепостнического строя, мешавшего развитию его любимой родины. Чернышевский был утопическим социалистом, он мечтал о торжестве социалистического строя. Однако объективно исторический смысл его утопической социалистической программы был буржуазно-демократическим. Развитие России шло тогда к капитализму. Капитализм был в то время прогрессивной общественно-экономической формой, и борьба за ликвидацию устаревшего феодально-крепостнического строя имела огромное революционное значение.

Исторический закон обязательности соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробивал себе дорогу в тогдашней России. Кризис феодально-крепостнического строя и развитие капиталистических отношений в недрах старого строя глубоко расшатали устои феодального мира. Основной трудовой класс феодального общества — крестьянство — стремился к радикальной ломке феодально-крепостнических порядков. Чернышевский был выразителем чаяний крестьянства, поднявшегося на антифеодальную борьбу, идеологом крестьянской революции. Великий русский революционер-демократ боролся за полное уничтожение феодально-крепостнических устоев, за уничтожение крепостного права и самодержавия.

Идейным центром революционной демократии являлся журнал «Современник». Агитационно-пропагандистское значение этого лучшего и популярнейшего журнала эпохи было неизмеримо велико. Со страниц «Современника» раздавался мощный голос Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, умевших и в подцензурной форме проповедовать революционные идеи. Вокруг журнала собралась плеяда соратников Чернышевского и Добролюбова. С «Современником» неразрывно связана деятельность «революционеров 1861 года» (термин Ленина): Н. В. Шелгунова, М. И. Михайлова, Н. Н. Обручева и других. От «Современника» тянулись нити к другим передовым журналам и общественным коллективам — к кружкам «чернышевцев» в студенческой и военной среде¹, к подпольным организациям передовой интеллигенции.

«Современник» — боевой орган революционной демократии — сыграл огромную роль в сплочении революционных сил. Чернышевский понимал, что в России назревает революция, подготовленная предшествующим ходом исторического процесса. Чернышевский сознавал необходимость объединения всех, кто сочувствует революции, признавал великое значение революционной организации, которая взяла бы на себя руководство рево-

¹ Данные о кружке «чернышевцев» см. в мемуарах М. Сажина (Арман Росс). Воспоминания. М. 1925; М. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли». М. 1924 и др.

люцией. Революционер немислим без стремления к действию. В понятие революционного демократизма органически входит проблема революционного действия. Вот почему очень важно выяснить не только то, чего хотели добиться «революционеры 1861 года», но и то, что они практически делали для осуществления своей программы. •

Изучение этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Революционеры действовали чрезвычайной конспиративно, стойко держались на допросах, не выдавая своих замыслов правительству. Материалы судебных процессов никак не могут быть основным источником для изучения этой трудной, но совершенно необходимой для науки темы. Чернышевский так и не признался на суде в авторстве прокламации «Барским крестьянам». М. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич не назвали своих соратников; В. Обручев унёс с собой в могилу имя того, кто дал ему для распространения прокламацию «Великорусс». С тем бóльшим вниманием мы должны отнестись ко всем другим свидетельствам, которые помогут выяснить интересующий нас вопрос.

В советской литературе последнего времени изучение практической деятельности «революционеров 1861 года» значительно продвинулось вперёд. Этому вопросу касается монография В. С. Кружкова, посвящённая Добролюбову². Специальная работа Р. А. Таубина посвящена Н. Г. Чернышевскому как организатору «революционной партии» (терминология В. И. Ленина). Несколько ценных работ принадлежит С. А. Рейсеру³. Н. Н. Новикова в своей диссертации разрабатывает эту же проблему, изучая «Великорусс» и его место в русском революционном движении⁴. В. М. Петровец в диссертации, посвящённой формированию революционного мировоззрения Добролюбова, рассматривает Добролюбова как организатора движения ещё в его студенческие годы. Ряд исследователей А. И. Герцена и Н. П. Огарёва освещает революционную деятельность русского заграничного центра. Н. Г. Тараканов в своей вступительной статье к «Избранным социально-политическим и философским произведениям Н. П. Огарева» и Я. З. Черняк, подготовивший к печати тексты Огарёва, останавливаются на замысле создания русской революционной организации и его осуществлении⁵. Неопубликованная диссертация А. Е. Кошовенко «А. И. Герцен в годы революционной ситуации» подробно разбирает этот круг вопросов в деятельности А. И. Герцена⁶. И. М. Белявская в своей диссертации «А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века» подняла эти же проблемы и правильно поставила вопрос о создании русско-польского революционного союза⁷. Деятельность «революционеров 1861 года» рассматривает Юзеф Ковальский в работе «Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше»⁸; русское издание этой работы вышло

² В. С. Кружков. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М. 1950, стр. 243—245 и др.

³ Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. «Исторические записки» Т. XXXIX, стр. 59—97. Укажу на работу С. А. Рейсера «К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова». «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. IX. № 1. 1952, стр. 52—65.

⁴ Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 годов. Диссертация (рукопись). Автореферат. М. 1951 (Московский государственный университет)

⁵ Н. Г. Тараканов. Мировоззрение Н. П. Огарёва. Вступительная статья (см. Н. П. Огарёв. Избранные социально-политические и философские произведения под общей редакцией И. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. Т. I. М. 1952, стр. 5—64); ср. также ряд публикаций Я. З. Черняка в «Литературном наследстве» («Неизданные и несобранные произведения Н. П. Огарёва». Т. 61, стр. 523—544 и др.).

⁶ Автореферат. М. 1952 (защищена в Академии общественных наук при ЦК КПСС).

⁷ Диссертация. Автореферат. М. 1950 (защищена в Московском государственном университете).

⁸ Авторизованный перевод с польского. Редакция и предисловие И. М. Белявской. Изд-во иностранной литературы. М. 1953.

в последнее время. Интересно ставит вопрос о практической деятельности «революционеров 1861 года» Н. В. Шульгин, анализируя сибирский период жизни Чернышевского и изучая его «Пролог». Этот же круг тем поднимает П. С. Фатеев в диссертации, посвящённой М. И. Михайлову⁹.

Из этого далеко не полного перечня видно, что проблема практического действия революционеров-разночинцев 60-х годов представляет большой интерес для исследователей. Изучение этой проблемы очень важно для правильного понимания деятельности признанного главы и руководителя «революционеров 1861 года» — Чернышевского.

Одним из центральных является вопрос о борьбе Чернышевского за сплочение сил русского революционного движения. Этот вопрос недостаточно исследован. Используя многие давно известные материалы, а также относящиеся главным образом к Герцену и Огарёву новые документы Пражской коллекции (коллекция документов, переданная чехословацким правительством в 1945 году в дар Академии наук СССР), мы хотим показать, как сплачивались силы внутрирусского центра революционного движения, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым, с силами лондонского центра, представленного Герценом и Огарёвым. Не выяснив взаимосвязей указанных центров, невозможно понять русское революционное движение 50—60-х годов XIX в. в целом.

Преемственная связь между деятельностью Герцена и Чернышевского в русском освободительном движении чётко определена Лениным в работе «Памяти Герцена»: «Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского»¹⁰. Споры и разногласия между Герценом и Чернышевским, несомненно, были, и это неоднократно освещалось в исторической литературе. Однако исследователи нередко искусственно раздували и преувеличивали эти разногласия, не только затемняя этим вопрос о единстве революционно-демократического лагеря, но вообще снимая его и выводя из поля исследовательского внимания.

Не подлежит сомнению, что ещё юношей Чернышевский размышлял над вопросом о русской революционной организации и о своём непосредственном участии в революционной борьбе. Уже в августе 1848 г. мы встречаем в его конспиративном дневнике запись разговора с товарищем: «Он сильно говорил о том, как бы можно поднять у нас революцию, и не шутя думает об этом: «Элементы, — говорит, — есть, ведь поднимаются целыми селами и потом не выдают друг друга... Мысль [участвовать] в восстании для предводительства у него уже давно...»¹¹. Тут ясно сказано о возможности крестьянской революции и о руководстве ею. В июле 1849 г. Чернышевский — в возрасте 21 года — так определяет свой путь: «Через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны...»¹².

Общеизвестен замечательный разговор Чернышевского с невестой, записанный шифром в дневнике и относящийся к февралю 1853 года. Чернышевский убеждён, что «у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем...» Чернышевский смотрит на себя как на главу «крайней левой» партии, как на организатора назревавшего восстания. Он даже указывает срок приближения революции: «лет через десять, но я думаю, скорее». Он предвидит, что участие в этой борьбе может окончиться для него «каторгою или виселицею», но это не мешает его решений.

⁹ П. С. Фатеев. Общественно-политические взгляды М. И. Михайлова. Автореферат. М. 1949.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 14—15.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1939, стр. 67 (Разрядка моя.— М. Н.)

¹² Там же, стр. 298. (Разрядка моя.— М. Н.)

Во время революции 1848 г. Чернышевский, пристально следя за событиями, ощущает себя человеком «партии», а не одиночкой. «К какой именно партии социалистов-демократов я принадлежу», «Я стал человек крайней партии...»¹³ — подобные высказывания часты в его дневнике. В близости русской революции Чернышевского убеждает и беседа с петрашевцем Ханыковым. Уже тогда Чернышевский понимал, что весь ход развития России ведёт к революции. Чернышевский говорил с товарищем «о возможности и близости у нас революции», о том, какие общественные слои явятся её движущими силами, и приходил ещё тогда к выводу, что «эта вещь, конечно, возможна и которой, может быть, недолго дожидаться»¹⁴. Узнав об аресте петрашевцев, он, тем не менее, записал в дневнике, что «никогда не усумнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы»¹⁵. «Вот мой образ мыслей о России, — неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее»¹⁶, — записывает он в дневнике 1850 года.

Интересно отметить, что не только Чернышевский, но и другие участники растущего революционного движения подобным образом оценивали обстановку в годы революционной ситуации. Об этом говорит, например, анонимный «Очерк развития социально-революционного движения в России», изданный нелегально в Казани в 1887—1888 годах¹⁷. Автор очерка, бывший, как следует из текста, участником революционного движения тех лет, так характеризует эпоху: «Прежде всего... мы встречаемся с глубокой верой в неизбежность переворота — неизбежность ясную для всех. Начиная от правительственных агентов до крайних радикалов; с сознанием, что живешь накануне самого великого и решающего судьбу человека в России; — вот характерная черта того времени. Далее, крестьянский топор, крестьянская, имеющая естественно, сама собой произойти революция, — для одних пугало, для других желательное и немного страшное неизвестное — вот фон всего революционного мышления того времени»¹⁸. Объективность назревавшей народной крестьянской революции и необходимость бросить «искру» в «Очерке» выражены ясно.

В известном разговоре с невестой Чернышевский ставит вопрос о своём непосредственном участии в крестьянской революции и о значении для революции руководящего кружка «образованных людей», который должен зажечь «пожар», когда восстание назреет. Утверждая, что революция близится («у нас будет скоро бунт»), Чернышевский развивает свою мысль так: «Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем, растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет?»¹⁹. Сам Чернышевский мыслит себя органической частью этого «образованного кружка».

Ещё в конце 40-х — начале 50-х годов Чернышевский считал, что «искру» должны бросить сознательно выступающие руководители движения, революционеры «из образованного кружка». Заметим, что в эти же годы Чернышевский сравнивает себя с Герценом. Чернышевский видит общность своей судьбы с судьбой Герцена не только в том, что и его ожи-

¹³ Там же, стр. 357, 115.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 274.

¹⁶ Там же, стр. 356—357.

¹⁷ См. о нём интересную заметку Е. А. Бушканца, впервые обратившего на него внимание: «К вопросу об авторе письма «русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена». «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. VIII. № 2. 1951, стр. 180—181.

¹⁸ Е. А. Бушканец. Указ. соч., стр. 180.

¹⁹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. I, стр. 418—419. (Разрядка моя.— М. Н.)

дает приход жандармов и заключение в царской тюрьме, но и в том, что он и Герцен стоят на одних позициях.

В мае 1853 г., вернувшись в Петербург из Саратова, Чернышевский твёрдо решил стать членом того революционного коллектива, того «образованного кружка», которому предстоит зажечь пожар революции. Он хотел, будучи членом такого кружка, участвовать в руководстве крестьянским восстанием, не боясь ни крови, ни «пьяных мужиков с дубьём», ни «резни».

Нет нужды доказывать, что формирование революционного мировоззрения Добролюбова, друга и соратника Чернышевского, шло, в основном, тем же путём. Когда они впервые встретились в 1856 г., Добролюбов уже имел опыт организации небольшого «образованного кружка», а основы мировоззрения и понимание положения дел в России были у них общими. Однако если Добролюбов в те годы, сильно увлекаясь Герценом, ещё не видел разногласий между ними, то Чернышевский, уже встревоженный либеральными колебаниями Герцена, сдержаннее относился к нему. Вопрос о необходимости сплочения революционных сил для создания центральной конспиративной организации — руководителя революционного движения — встал перед Чернышевским и Добролюбовым очевидно, ещё до наступления революционной ситуации.

В этой связи следует обратить внимание на время переговоров Чернышевского о редактировании «Военного сборника» — начало января 1858 года²⁰. В мае 1858 г. вышел в свет первый номер «Военного сборника», под редакцией В. Аничкова, Н. Н. Обручева и Н. Г. Чернышевского. Чернышевский потому и согласился редактировать «Военный сборник», что решил вести агитацию в армии, привлекать военные силы к революционному движению.

Уже в первый год революционной ситуации (1859) Добролюбов начинает реализовывать план создания конспиративной организации. В 1859 г. Чернышевский и Добролюбов создают конспиративный революционный центр. Этот факт доказывается, по меньшей мере, четырьмя документами, к счастью, дошедшими до нас: тремя конспиративными письмами Добролюбова к своим старым товарищам И. И. Бордюгову и М. И. Шемановскому и отрывком из дневника Добролюбова, позже захваченным при обыске у Чернышевского. Письма приглашают Бордюгова и Шемановского вступить в конспиративную революционную организацию. Адресаты Добролюбова, кстати, не были новичками в этом деле. Они раньше входили в созданный Добролюбовым студенческий революционный кружок, отлично знали Добролюбова ещё в студенческие годы, обсуждали с ним положение в стране, определяли силы назревавшего восстания. Поэтому оба могли понять своего товарища с полуслова.

В мае 1859 г. Добролюбов писал Бордюгову: «Пойдем же дружно и смело: ты можешь меня поддерживать и удерживать, напоминая мне о моих планах и стремлениях. А в свою очередь и я могу быть тебе полезным... Попробуй же, Ваня, сознательно окунуться в тот кипящий водоворот, который мы называем жизнью мысли и убеждений, сочувствием к общественным интересам и т. д. Можно назвать и короче, но ты и без того понимаешь, о чем я говорю»²¹.

В тот же день Добролюбов пишет Шемановскому: «Поверь, что в жизни есть еще интересы, которые могут и должны зажечь все наше существо и своим огнем осветить и согреть наше темное и холодное житьишко... До сих пор нет для развитого и честного человека благодарной деятельности на Руси, вот отчего и вянем и киснем и пропадаем все мы. Но мы должны создать эту деятельность, к созданию ее должны быть направ-

²⁰ См. Н. Макеев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». «Вопросы истории». 1949. № 4, стр. 65—82; Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 61—85.

²¹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах». Т. 1. М. 1890, стр. 510—512.

лены все силы, сколько их ни есть в натуре нашей. И я твердо верю, что будь сотня таких людей, хоть как мы с тобой и с Ваней (Бордюговым. — М. Н.), да решишь эти люди и согласись между собой окончательно — деятельность эта создастся, несмотря на все подлости обскурантов... Мы еще чисты, свежи и молоды, сил в нас много; впереди еще две трети жизни... Мы можем овладеть настоящим и удержать за собою будущее. Нечего унывать и спать»²².

В третьем письме к товарищу (к тому же Шемановскому) в августе того же 1859 г. Добролюбов прибегает к конспиративному приёму. После слов «Мы умрем, но и умрем все-таки недаром...» Добролюбов цитирует стихотворение Некрасова «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной», причём обрывает цитату многозначительным «и так далее». Что же следует в стихах далее? Шемановский, конечно, знал дальнейшие волнующие строки Некрасова:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Четвёртый документ, тесно связанный с предыдущими, — это известная страничка из дневника Добролюбова, датированная 5 июня 1859 г. и взятая при обыске у Чернышевского. Добролюбов перечисляет в ней лишь девять фамилий участников складывавшейся революционной организации, девять предполагаемых её членов. В некоторых он вполне уверен, в других — не совсем. Добролюбов передаёт фамилии лишь начальными буквами. Приводим их ниже в общепринятой расшифровке: «От С. Н. Ф[едорова] получил письмо с водянистыми выражениями сочувствий да от Борд[югова] довольно горячее письмо, вот и все пока. А здесь настоящее сочувствие только и нашел в Ч[ернышевском], О[?], да С[?]. Есть, правда, еще Н[овицкий], Ст[аневич], Д[обровольский] — да кто их знает, что они за люди. Во всяком случае, мало нас: если и семеро, то составляет одну миллионную часть русского народонаселения. Но я убежден, что нас скоро прибудет»²³.

Встаёт вопрос: почему, перечислив девять фамилий и явно имея при этом в виду также фамилии последних трёх перечисленных лиц, хотя облик этих людей для него ещё не вполне ясен («да кто их знает, — что они за люди»), Добролюбов, однако, говорит, что «нас» семеро, и не считает первые две фамилии? А ведь Иван Бордюгов его друг, в котором Добролюбов не сомневается. Можно предположительно ответить: Бордюгов и Фёдоров не числятся в местной петербургской «семёрке», возглавляемой Добролюбовым; они, повидимому, должны входить в ту местную организацию, которую им будет поручено создать. Иного объяснения дать нельзя. Не может же быть, чтобы Добролюбов просто ошибся в подсчёте лиц, связанных со столь дорогим для него делом!

Второй вопрос: почему с е м ь участников конспиративной организации Добролюбов считает «одной миллионной частью русского населения»? В то время в России было шестьдесят миллионов человек, что отлично знал Добролюбов. Следовательно, одна миллионная часть населения равнялась примерно 60 человекам. Может быть, все первичные конспиративные «семёрки» или «пятёрки»²⁴ вместе уже имели в июне 1859 г. какое-то число, близкое к 60? Пока у нас нет данных для ответа на этот вопрос.

²² Там же.

²³ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Гослитиздат. Т. VI. М. 1939, стр. 488.

²⁴ Согласно свидетельству М. Н. Слепцовой, тайная организация создавалась по «пятёркам» (М. Н. Слепцова. Штурманы будущей бури. Сб. «Звенья». Т. II. М.-Л. 1933).

Констатируем бесспорный вывод из всех этих документов. Уже в мае 1859 г. Добролюбов и Чернышевский приступили к созданию конспиративной революционной организации. Вопрос о консолидации революционных сил из стадии замысла перешёл в стадию реализации.

Чрезвычайно важно обратить внимание на упоминание имени Чернышевского в составе первой «семёрки», перечисленной Добролюбовым. Значит, Чернышевский и Добролюбов вместе входили в 1859 г. в первую «семёрку» тайного общества. Надо, стало быть, пересмотреть общепринятое утверждение, что Чернышевский вообще не состоял членом революционной организации в годы революционной ситуации, а лишь был к этой организации чрезвычайно «близок». На основании цитированного у М. Лемке свидетельства А. Слепцова о первой встрече с Чернышевским летом 1861 г. такое утверждение относится к «Земле и Воле». Между тем упоминание имени Чернышевского на приведённой выше странице дневника Добролюбова за 1859 г. и последующая прокламация Чернышевского «Барским крестьянам» говорят о том, что ещё до основания «Земли и Воли» Чернышевский был членом революционной организации, очевидно, одним из ее руководителей.

Поскольку в мае 1859 г. революционное общество уже не только замысел, а начинает воплощаться в жизнь, перед его организаторами встали вопросы консолидации революционных сил, и прежде всего вопрос об установлении тесной связи с уже сложившимся к этому времени русским заграничным центром в Лондоне (Герцен, Огарёв). Несомненно, что должны были установиться определённые взаимоотношения молодой, зачинающейся русской революционной организации с более давним идейным русским центром, возникшим уже за несколько лет до того около Вольной русской типографии. Это предположение подтверждается документами из архива Огарёва, которые хранятся в рукописном отделе Ленинской библиотеки, и новыми материалами Пражской коллекции.

Из документов следует, что Герцен и Огарёв не только не оставили своих юношеских надежд создать тайное революционное общество в России, а, наоборот, в обстановке складывающейся революционной ситуации усиленно разрабатывали план создания такой организации, что совершенно закономерно и вполне понятно.

В 1856 г. Огарёв приехал к Герцену за границу, и с тех пор они уже не разлучались. В начале 1857 г. Огарёв написал особую записку о тайном обществе²⁵. Записка начинается с вопроса, нужно ли тайное общество в России, и отвечает на этот вопрос с полной убеждённостью: «Да, тайное общество полезно, возможно и необходимо»²⁶. Основной смысл записки — горячий призыв к практической организации русского тайного общества.

Было ли организовано в России в 1857 г. такое общество, нам неизвестно. Но мы знаем теперь на основании документов Пражской коллекции, что через два года — именно в том же 1859 г., к которому относятся приведённые выше данные о создании Чернышевским и Добролюбовым революционной организации внутри России, появляется новый огарёвский документ. Это уже не общий призыв к созданию тайного общества, а рассуждение о его программе, о цели и методах борьбы, об организации общества.

²⁵ Записка опубликована в 1941 г. в «Литературном наследстве», т. 39—40, и неправильно датирована Б. П. Козьминым. Он относит её возникновение к 1860 году. Между тем по положению в записной книжке Огарёва (записная книжка № 22, хранится в Рукописном отделе Ленинской библиотеки) записка, несомненно, относится к началу 1857 года. Л. З. Черняк датирует её мартом — апрелем 1857 года. Ср. мою работу «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)», помещённую в «Литературном наследстве». Т. 61, стр. 463—468.

²⁶ Н. П. Огарёв. Записка о тайном обществе. «Литературное наследство». Т. 39—40, стр. 323—328.

Новая записка начинается с прямого утверждения: «Цель общества — положить начало социальному миру на основании общинного землевладения». Записка предлагает республиканскую форму будущего государственного устройства России: «Форма центральной власти — комитет»²⁷. Будущая революционная Россия представляется Огарёву федерацией русских «союзов». Таких «союзов», по мнению Огарёва, должно быть девять: 1) Среднерусский, 2) Прибалтийский, 3) Польско-литовский, 4) Беломорский, 5) Волжский, 6) Украинский (Огарёв сначала хотел написать «Малороссийский», но потом передумал, зачеркнул «Малоро» и написал: «Украинский»). 7) Новороссийский, или Черноморский, 8) Уралосибирский, 9) Амурский²⁸. Огарёв считает, что центр тайного общества должен находиться в России и лишь его «печатный орган» — в Лондоне: «Центр в России в постоянной связи с главным органом в Лондоне». Центр общества будет состоять из руководителей, «совершенно сознательно действующих и распоряжающихся», причём Огарёв предполагал назвать их понятным для народа словом «апостолы». «Между центром в России и центром в Лондоне должны быть путешествующие корреспонденты и свои почты», — утверждал Огарёв. Обратим внимание на эту терминологию: «центр в России» и «центр в Лондоне», — применяемую и в тексте настоящей статьи, — она принадлежит Огарёву.

Очень важно, что разбираемый документ Огарёва подчёркивает основное значение именно внутрирусского, а не лондонского центра. В Лондоне же, по мнению Огарёва, в свободных от царской цензуры условиях лишь будет издаваться печатный орган тайного общества. Огарёв полагает, что тайное общество «как мыслящий миноритет» должно создать отношения «с немим множеством, то есть с крестьянами» — установка, не противоречащая основной идее Чернышевского и Добролюбова.

Когда же Огарёв написал этот документ?²⁹

Из текста видно, что он написан до освобождения крестьян и во время какой-то европейской войны, которая может оказать влияние на судьбы славянства. Война ещё не кончилась в то время, как Огарёв писал данную записку: «Общеславянская конфедерация теперь невысказима; она может уясниться только настоящей войной». Очевидно, Огарёв писал свою записку во время так называемой Итальянской войны 1859 г. — войны Австрии против союза Сардинии и Франции, — закончившейся разгромом австрийской армии при Сольферино. Если бы война нанесла решительный удар Австрийской империи — тюрьме славянства, — это могло бы сыграть огромную роль в освобождении славян. Итальянская война началась 29 апреля 1859 г. и закончилась в июле 1859 г. Виллафранкским миром. Поскольку для Огарёва, как явствует из текста, исход войны ещё не ясен, очевидно, что он писал этот документ до разгрома при Сольферино, то есть до 24 июня 1859 года. Следовательно, записка Огарёва написана между 29 апреля и 24 июня 1859 года. Совпадение её текста с первой статьёй герценовской серии «Война» позволяет датировать рукопись Огарёва концом мая 1859 года³⁰. Время написания документа

²⁷ Там же, стр. 496. Последующие цитаты там же.

²⁸ См. М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России. «Литературное наследство». Т. 61, стр. 496.

²⁹ Полный текст записки Н. П. Огарёва «Цель, методы и организация общества» (в других своих работах я условно применяю к записке также краткое название «Идеалы» — по первой её рубрике и по первому слову рукописи Н. П. Огарёва) опубликован мною в 61-м томе «Литературного наследства», стр. 494—500).

³⁰ Ср. у Герцена в серии статей «Война»: «Стоит только взглянуть на карту, чтобы понять, что от Балкан до Адриатики готовы звенеть обширной конфедерации...» Если эта формула одновременно огарёвской, то можно предположить, что документ Огарёва относится к самому началу войны, так как первая статья Герцена из серии «Война» опубликована в «Колоколе» 1 июня 1859 года. В этом случае огарёвский документ можно отнести к концу мая 1859 г., то есть к кануну приезда Чернышевского в Лондон. Проект Огарёва, вероятно, писался им не лично для себя, а для обсуждения с кем-то.

Огарёва совпадает с таким важным событием, как приезд Чернышевского к Герцену в Лондон в 1859 году. Чернышевский выехал в Лондон 17 июня 1859 г. и приехал туда через 9 дней — 26 июня. В течение четырёх дней пребывания в Лондоне Чернышевский неоднократно беседовал с Герценом. 7 июля Чернышевский вернулся в Петербург.

Следовательно, Огарёв писал свою предполагаемую программу тайного общества или непосредственно перед приездом Чернышевского в Лондон, или в дни его пребывания там, или сейчас же после его отъезда. При всех трёх вариантах огарёвский документ даёт тематический контекст встречи Герцена с Чернышевским. Как и Чернышевский, Огарёв и Герцен разрабатывали план создания русской революционной организации с центром в России и ставили вопрос о связи этого центра с революционным центром в Лондоне. Естественно, что программа и тактика будущей организации не могли не обсуждаться при встрече двух крупнейших русских революционеров. Ведь обе встретившиеся стороны были заняты одним и тем же вопросом, горели одной и той же идеей, которую могли воплотить в жизнь лишь при обоюдной помощи друг другу.

В числе программных и тактических вопросов, несомненно, обсуждавшихся при встрече, был вопрос об основном характере революционной агитации, вопрос о направлении обличительной литературы, который вызвал известный конфликт между «Колоколом» и «Современником» в начале мая 1859 года. Конфликт послужил поводом лондонской встречи Чернышевского и Герцена, но был далеко не единственным вопросом, обсуждавшимся при встрече. Он был органической частью всего комплекса вопросов, встававших перед русскими революционерами в первый же год революционной ситуации.

Конфликт между «Современником» и «Колоколом» из-за статьи Герцена «Very dangerous!!!» («Весьма опасно!!!») непомерно раздут в литературе последних лет и заслонил другие, гораздо более значительные вопросы. А главное, рассмотрение этого конфликта часто искусственно отрывается от рассмотрения центральных вопросов русского революционного движения того времени.

Ни «Современник», ни «Свисток» не могли изложить свою точку зрения на обличительную литературу подробно и прямо. Они были подцензурными журналами, и им приходилось говорить «эзоповским языком», иронизируя по поводу конкретных герценовских обличений. Герцен вспылил и ответил статьёй «Very dangerous!!!», предупреждая, что насмешки над обличительной литературой, как он полагал, помогут царскому цензурному надзору за свободным словом, «наставительному комитету», хотя бы этого насмешники или не хотят. Герцен закончил свою статью необдуманно резким восклицанием, что насмешники над обличительной литературой могут «досвистаться (чего боже сохрани!) и до Станислава на шею». Этой острой фразой Герцен, как он сам потом разъяснил, не имел в виду персонально ни одного литератора (статьи в «Свистке» не были подписаны, и Герцен не знал, что их писал Добролюбов). Герцен отнюдь не думал, что его фраза может быть принята за оскорбительный намёк.

Заметим, что заглавие статьи «Весьма опасно!!!» характерно. Подошедшему к пропасти врагу во время войны не станут кричать: «Отойдите, иначе свалитесь. Весьма опасно!!!». Очевидно, как бы ни был Герцен рассержен выступлениями «Свистка», он всё-таки предупреждал об опасности людей своего лагеря.

Чернышевский и его единомышленники считали обличение злоупотреблений царского чиновничества, взяточников и казнокрадов, обличение жестоких помещиков недостаточным средством борьбы в обстановке нарастающей революционной ситуации. Теперь следовало выдвинуть положительную политическую программу большого масштаба (например, борьбу за республику). При наличии такой революционной программы

обличения царских властей воспринимались бы иначе: как доказательство правильности выдвинутой программы, как её аргументация. Без этой программы обличения злоупотреблений не только выглядели мелко, но могли даже, по мнению Чернышевского и Добролюбова, привести к тому, что перепуганное массовым движением правительство подтянет зарвавшееся чиновничество и таким образом использует обличительную критику в своих интересах.

Свидетельство Стахевича, бывшего на каторге вместе с Чернышевским, подтверждает это. «Вам следовало бы вставить определенную политическую программу, скажем — конституционную или республиканскую или социалистическую», — говорил Чернышевский Герцену при свидании, — «и затем всякое обличение являлось бы подтверждением основных требований вашей программы; вы повторяли бы свое: *Ceterum censeo — Carthaginem delendam esse*»³¹.

В 1859 г. Герцен ещё не понимал всего этого. Однако он уже начал вместе с Огарёвым составлять позитивную политическую программу и начал работать над созданием тайной организации. Он уже сам начал становиться на правильный путь. В этом нас убеждают документы Пражской коллекции, в которых, как уже цитировалось выше, выставлялся лозунг республики как наиболее желательной формы правления. Но этот процесс был у Огарёва и Герцена ещё в начальной стадии. По ряду важных вопросов Герцен спорил со «Свистком» и сопротивлялся.

Вопрос о консолидации революционных сил встал в то время особенно остро. Идеологи и руководители революционного движения — Чернышевский и Добролюбов — понимали, что в России складывается революционная ситуация, что Россия — «накануне». «Современник» был объединяющим центром русского революционного движения в период революционной ситуации. За рубежом работу великого революционного значения совершали Герцен и Огарёв. «Колокол» горой стоял за освобождение крестьян, разоблачал крепостное право, требовал земли крестьянам, вочию показывал гнилость царского режима, палачество царских чиновников и судей. Включить эту силу в русло общего революционного натиска, объединить усилия «Современника» и «Колокола» во имя общего дела — такова была насущная задача, выдвигавшаяся на первый план в годы революционной ситуации.

На пути решения этой задачи были большие трудности. Чернышевский в своих взглядах на революционную борьбу стоял на голову выше Герцена и понимал, что либеральные иллюзии чрезвычайно мешают Герцену-революционеру. Благодаря этим иллюзиям Герцен не мог отчётливо понять классовой природы самодержавия и, страстно разоблачая действия центральной власти и её агентов, ещё не расстался с верой во внезапное пробуждение «совести» в царе, с верой «в самодержавную революцию». Герцену всё ещё казалось, что Александр II сможет, если захочет, стать каким-то демократическим Петром Великим, мифическим «народным царём», который возьмёт да и разгонит продажных чиновников, отдаст народу землю и волю, организует правый суд и будет действовать во имя народа с такой же решимостью, с какой когда-то Пётр I действовал против старозаветного боярства.

Тактическая позиция Герцена была противоречива. Он громил самодержавный строй — и зывал к монарху, предлагая ему стать революционером. Герцен горячо разоблачал прогнивший режим и злодеяния помещиков и в то же время писал письма к императрице, надеясь пробудить в ней человека, адресуясь к её материнским чувствам и к её «совести». При этом он наивно полагал: императрица поймёт, что её придворные — «шайка стариков и интриганов», вникнет в «стертую пустоту великокня-

³¹ С. Г. Стахевич. Среди политических преступников. Сборник «Н. Г. Чернышевский». М. 1928, стр. 103. Цитировано в моей статье «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации». «Исторические записки». Т. X. 1940, стр. 36.

жеских существований», сердце её станет «обливаться кровью» при слухе о рекрутском наборе, о неистовствах помещичьих, о чиновничьем грабеже»³². Надежды Герцена были глубоко ошибочны и чрезвычайно опасны. Следовало объявить решительную борьбу либеральным шатаниям Герцена, открыть ему глаза на вред его либеральных иллюзий.

Но, совершая ошибки, Герцен всё-таки, по существу, оставался революционером, принадлежал к демократическому лагерю, никогда не был либералом. В том же 1858 г., когда он писал свои письма к императору и императрице, Герцен страстно и убеждённо боролся за освобождение крестьян с землёй, за ликвидацию чиновничества, продажного сословного суда, царской цензуры, против подавления свободной мысли. Либералы-соглашатели, по существу, защищали старые устои. Герцен стремился разрушить эти устои. Либералы хотели откупиться от нового мелкими уступками и уступочками. Герцен защищал новое. Либералы выступали за удобные для помещиков видоизменения помещичьего землевладения. Герцен решительно стоял за сокрушение помещичьего землевладения, за уничтожение крепостнического гнёта.

В 1858 г. Герцен издал свою работу «Русский заговор 1825 года», в которой высоко поднимал значение первых русских революционеров-декабристов, громил царского холопа Корфа, обрушивался на «секущее православие», заступался за задавленную царизмом Польшу, боролся с либералами и срывал с них маски. Его великолепный ответ «Обвинительному акту» и разоблачение Б. Н. Чичерина относятся именно к 1858 году. Б. Н. Чичерин писал Герцену: «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззваниям к дикой силе». Чичерин требовал «не раздувать пламя, не растревлять язвы, а успокаивать раздражение умов... отвращать кровавую развязку...»³³. «Мы — офицеры, стоящие в различных армиях» — таков вывод Чичерина о себе и о Герцене. Что и говорить, вывод правильный!

Герцен — революционный демократ. У него были либеральные срывы, либеральные иллюзии, но демократ неизменно брал в нём верх³⁴. Неправы те, кто думает, будто Герцен то и дело менял позиции, то становясь либеральным, то опять делаясь демократом, — например, в студенческие годы стоял на революционных позициях, а с 1856 по 1861 г. — на либеральных. Герцен был демократом и в 1840-е и в 1850-е годы. По словам Ленина, Герцен, покинув Россию в конце 1840-х годов, уже был демократом и революционером³⁵.

Все эти годы Герцен шёл вперёд, его демократическое мировоззрение формировалось и развивалось. Его либеральные иллюзии были порождены тем, что он не видел и не мог видеть в 1840-е годы революционный народ. Но, когда он увидел революционный народ в 1860-х годах, он сумел изжить эти иллюзии, сумел укрепить свой революционный демократизм.

В 1858—1859 гг. либеральные колебания Герцена ещё были сильны и мешали сплочению революционных сил. Чернышевский и Добролюбов, высоко ценя Герцена, стремились привлечь его на свою сторону. Они решительно критиковали его за либеральные шатания. Критика Герцена была борьбой за Герцена. Признание «Современником» и «Свистком» недостаточности обличительной литературы, поездка Чернышевского к Герцену в Лондон в 1859 г., письмо «Русского человека» в «Колоколе» в 1860 г., критика Чернышевским позиций Герцена в статье «О причинах падения Рима» — всё это было попыткой помочь Герцену отрешиться от

³² А. И. Герцен. Письмо к императрице Марии Александровне. Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке. Т. IX, стр. 355, 357 и др.

³³ «Обвинительный акт» Б. Н. Чичерина и ответ Герцена помещены в № 29 «Колокола» за 1858 год.

³⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12.

³⁵ См. там же, стр. 10.

либеральных иллюзий, всё это была борьба за Герцена его союзников, деятелей одного с ним революционного лагеря.

Отношения Чернышевского, Добролюбова и их ближайших друзей к Герцену основывались на признании петербургским центром огромного значения революционной деятельности Герцена, на справедливом представлении о нём как о союзнике, а не как о враге. Чернышевский не ездил для объяснения по программным и тактическим вопросам ни к Чичерину, ни к славянофилам: это были люди другого лагеря. Чернышевский не вступал в объяснения с либеральными журналами, не посещал для этой цели их редакций. Он поехал объясняться именно с Герценом.

Герцен был большим мастером разоблачений, но в годы революционной ситуации следовало идти гораздо дальше. Россия была «накануне», и требовалось выработать чёткую политическую программу. Близились революция, приходил час решающей битвы. Во имя чего эта битва должна совершиться? Ведь не только для обличения и разрушения. На вопрос «Что делать?» нельзя было отвечать лишь отрицанием и разоблачением старого. Надо было сформулировать, в чём состояло новое, ради чего будет вестись ожесточённая борьба.

Герцен задел редакцию «Современника» резкими выпадами по вопросу об обличительной литературе. Чернышевский поехал в Лондон и, как сам он выражается, сделал «выговор» Герцену и «сломал» его. Герцен понял свою ошибку и принёс извинения в «Колоколе». Герцен уверял честным словом, что и в уме не имел сделать какой-либо оскорбительный намёк³⁶. В статье «Лишние люди и желчевики» он согласился с Чернышевским и в том, что отдельные лица не несут ответственности за злодеяния общественного характера, — дело не в лицах, а во всём самодержавно-крепостническом строе.

В пылу спора и у Герцена и у Чернышевского вырывались самые резкие выражения. «Кавелин в квадрате» — так назвал Чернышевский Герцена в письме к Добролюбову из Лондона³⁷. Но можно ли строить аргументацию только на резких эпитетах или сравнениях, которые вырываются в политическом споре?

Имеется другой, гораздо более существенный материал, подводящий итог спора двух революционеров. Я имею в виду замечание Чернышевского на письмо А. П. Златовратского к Добролюбову от 1858 г., где Златовратский обнаруживает непонимание иронических выражений Добролюбова в его критических статьях. Чернышевский говорит: «недоразумения А. П. Златовратского были очень наивны. Но еще несравненно замечательнее в этом отношении случай такого же рода, происшедший через год: удивительное недоразумение, в которое впал при чтении «Литературных мелочей прошлого года» Николая Александровича один из знаменитейших и действительно лучших деятелей литературы. В своем месте мы расскажем эту историю, насколько она может быть предметом печатного рассказа теперь, когда еще жив один из участников этого спора»³⁸.

В. Путинцев первый понял значение этого текста Чернышевского. Вводя его в исследовательский оборот, Путинцев справедливо указал, что

³⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке. Т. X, стр. 61. Это извинение было опубликовано в «Колоколе» вовсе не «поздно», как иногда утверждается в мемуарах и герценовской литературе, а всего через 24 дня после возвращения Чернышевского из Лондона: Чернышевский вернулся в Петербург из Лондона 7 июля 1859 г., а ответ Герцена был напечатан в 49-м листе «Колокола» от 1 августа того же года. См. Н. М. Чернышевская. Летопись жизни Н. Г. Чернышевского. 1933, стр. 96.

³⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. XIV, стр. 379.

³⁸ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах». Т. I. 1890, стр. 439. Под одним из участников спора, оставшихся в живых, Чернышевский, повидимому, разумеет себя самого: Герцен уже давно умер.

нет оснований пропускать при обсуждении вопроса о споре Герцена с Чернышевским такое важное свидетельство³⁹. В этом свидетельстве Чернышевский считает всё столкновение из-за «Very dangerous!!!» «удивительным недоразумением», а Герцена именует не «Кавелиным в квадрате», а «одним из знаменитейших и действительно лучших деятелей литературы».

Есть ещё одно свидетельство такого же рода. В письме от 21 января 1884 г., посылая «Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым», Чернышевский пишет, что Некрасов посвящал его в свои личные дела лишь «по какой-нибудь очень серьезной необходимости». «Одним из таких случаев, например, было то странное недоразумение, для прекращения которого привелось мне, по желанию Некрасова и Добролюбова, проспать Германию от Любека до Рейна и Францию от Рейна до Парижа»⁴⁰. Итак, в одном случае «удивительное недоразумение», в другом — «странное недоразумение». Вот мнение Чернышевского об истории с «Very dangerous!!!».

Более того, по словам Чернышевского, это недоразумение удалось выяснить, прекратить («для прекращения которого мне привелось...»). Заметим, что и Добролюбов в известной страничке из своего дневника квалифицировал конфликт с Герценом именно тем же словом «недоразумение», добавив даже более сильное выражение («Но мне все кажется, что вся эта история — чистейший вздор, какое-нибудь недоразумение»).

Близкий к Чернышевскому и хорошо осведомлённый Антонович даёт следующую характеристику происшедшему конфликту: «Некоторые пытались объяснить и оправдать враждебность и ожесточенность статьи (имеется в виду «Very dangerous!!!» — М. Н.) принципиальными причинами. Тогда будто бы образовалось два противоположных «течения общественной мысли» и вот, естественно, что между ними произошло враждебное столкновение, и статья была одним из наиболее ярких проявлений этого столкновения. Это очень натянуто и неверно... Разве же на самом деле Герцен и «Современник» были принципиально враждебные противники?.. Разве же Герцен и «Современник» были в самом деле противоположными и враждебными лагерями? Вовсе нет, это были не два лагеря, а только две части одного лагеря и вовсе не враждебные, а согласные между собой в большинстве принципов и пунктов и разногласные только в некоторых частностях и подробностях»⁴¹. Эта характеристика знающего и внимательного современника совершенно правильна.

В последнее время Б. П. Козьмин предложил новое понимание конфликта 1859 года.

По мнению Козьмина, и Чернышевский и Герцен почему-то не понимали, что они как революционные демократы оба стоят по одну сторону баррикады. Чернышевский совершил ошибку, не разобрался в существе Герцена, противопоставил ему свои позиции и направил усилия не на то, чтобы завоевать Герцена и выправить его ошибки, а на то, чтобы порвать с Герценом и противодействовать его вредному влиянию на молодёжь. В силу этой ошибки Чернышевского ни о каком сотрудничестве между ним и Герценом якобы «не могло быть и речи»⁴². Чернышевский будто бы ездил к Герцену единственно за тем, чтобы объясниться по поводу статьи «Very dangerous!!!»

³⁹ В. Путинцев. Чернышевский о Герцене. «Огонёк». 1950. № 6

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. I, стр. 731.

⁴¹ М. А. Антонович. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон. «Шестидесятые годы». Academia. 1933, стр. 87—88.

⁴² Б. П. Козьмин. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». Т. XII. Вып. 2. 1953, стр. 137—157. Та же концепция развивается в статье Б. П. Козьмина «Выступление А. И. Герцена против «Современника» в 1859 году». Там же. Т. XI. Вып. 4. 1952, стр. 366—384

Эта внутренне противоречивая и путаная концепция, на мой взгляд, совершенно неправильна. Она игнорирует обширный круг фактов, говорящих об «общем деле» и о сотрудничестве сторон, сводит всё к субъективной ошибке Чернышевского (которой, кстати, не было), оставляя читателя в недоумении, почему, собственно, умнейший человек России, выдающийся русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский не смог разобраться в существе дела. Почему это «своя своих не познаша»?

После поездки Чернышевского в Лондон линия агитации «Колокола», как известно, становится радикальнее, глубже, увереннее. Основную роль сыграли тут, конечно, русская действительность, революционные настроения в народе, усиление крестьянской борьбы. Но и воздействие Чернышевского и Добролюбова не прошло даром. Оно способствовало идейному росту Герцена. Урок, данный Чернышевским, был, в основном, усвоен, хотя споры и продолжались.

Важнейшей темой споров остался тактический вопрос. Герцен, оторванный от России и ещё не изживший либеральных иллюзий, считал призыв к вооружённому восстанию несвоевременным. Чернышевский и Добролюбов придерживались мнения, что время настало.

Но Герцен никогда не отрекался от революции вообще, как думают некоторые. Вопрос о возможном призыве к топору был открыто поставлен именно Герценом. Ещё в 1853 г. в своём воззвании «Юрьев день! Юрьев день!» Герцен, призывая дворян к ликвидации крепостнических отношений, надеялся, что из дворянской среды выйдут новые Пестели и Рылевы — борцы против крепостного права. «Мы еще верим в вас, — зывал Герцен к дворянству, — вы дали залогов, наше сердце их не забыло — вот почему мы не обращаемся прямо к несчастным братьям нашим для того, чтобы сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для того, чтобы сказать им:

«Ну, братцы, к топорам теперь! Не все вам быть в крепости, не все ходить на барщину да служить во дворе, постоимте за святую волю, довольно наделились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Нутка, дегушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погрееются в последний раз!»⁴³.

Этот призыв радикальской силы неоднократно звучал в агитации Герцена. Но в первые годы революционной ситуации ещё не наступил, по мнению Герцена, подходящий момент для призыва «к топору», ещё был расчёт на «самодержавную революцию».

Друзья Герцена, разоблачая его иллюзии, продолжали борьбу за него и в этом вопросе. Именно так надо понимать открытое, прямое, убеждённое письмо «Русского человека» в редакцию «Колокола». Оно заканчивалось словами: «Если вы печатаете письма врагов ваших, то отчего же бы не напечатать письмо одного из друзей ваших?»⁴⁴. Я придерживаюсь предположения, что автором этого письма является Добролюбов⁴⁵.

Автор письма — несомненно, революционный демократ — признавал огромное значение Герцена в русской революционной борьбе, высоко ценил то, что Герцен возвысил голос за русский народ, угнетаемый царской властью, показал России настоящее свободное слово.

«Русский человек» напомнил Герцену его же собственные слова об опасности, грозящей революции, если революционеры и народ не поймут

⁴³ А. И. Герцен. Соч. Т. VII, стр. 253.

⁴⁴ «Колокол» от 1 марта 1860 года, № 64.

⁴⁵ В последнее время новые соображения, подтверждающие эту гипотезу, выдвинуты Е. А. Бушканцем в его статье «К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена». «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. XIII. Вып. 2. 1951, стр. 180—181.

друг друга. Между тем Герцен всё ещё верит «в добрые намерения царей» и не разоблачает царизма по-революционному. Ведь если народ без руководителей возьмётся за топоры, революция может погибнуть и царь «в мутной воде половит рыбки...» Что же сделал Герцен для отвращения этой грядущей беды?

Самая постановка вопроса говорит о том, что автор письма возмущён либеральными колебаниями Герцена и его надеждами на царя, но верит, что Герцена можно убедить в ошибочности его позиций. «Русский человек» считал Герцена деятелем революционного лагеря, который обязан руководить движением и не имеет права игнорировать опасности, грозящие революции. «Русский человек» решительно отделяет Герцена от либералов и убеждает Герцена, что тот не смеет поддерживать в народе веру в добрые намерения царей, веру, которая уже сотни лет губит Русь. «К топору зовите Русь!» — восклицает «Русский человек».

И Герцен шёл по пути, по которому его призвали идти руководители русской революционной демократии. Герцен всё решительнее изживал свои либеральные иллюзии, всё более сближался с русским революционным центром.

Многочисленные доказательства этого положения имеются на страницах «Колокола». Я приведу лишь одно новое доказательство, почерпнутое из документов Пражской коллекции. Прошло около года со времени лондонского свидания Чернышевского и Герцена. Перед нами новый конспиративный документ лондонского центра, относящийся к России. Это рукопись Огарёва «Цель русского движения». Она относится, несомненно, к дореформенному времени (вероятнее всего, к 1860 г.), так как требует уничтожения «крепостного права, помещичьего и казённого, на людей и землю»⁴⁶. В рукописи речь идёт не об организации общества, а об его программе и тактике. «Цель русского движения — созвать земский собор из посланцев от всех уездов, выбранных всем народом без различия сословий для всеобщего нового устройства России». Изложив обширную программу нового устройства, Огарёв переходит к обсуждению варианта плана для того случая, когда земский собор созван не будет: «Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания. Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно».

По мнению Огарёва, сигнал к восстанию должна дать революционная организация, начнёт же восстание войско, к которому примкнёт народ: войско умножится «прибылыми охотниками ратниками» из крестьян. Восстание с периферии двинется на Москву и Петербург, «оставляя по дороге селы и города учреждать самим свой внутренний порядок с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор». Огарёв допускает при этом два вида политического устройства: конституционную монархию («царя нового если нужно») или — наиболее для него желательный — республику («правительственный совет из людей, перед Земским собором ответственных»).

О том, что Чернышевский и Добролюбов, положив начало революционной организации в 1859 г., продолжали её дело дальше, свидетельствует ещё один замечательный документ: прокламация Чернышевского «Барским крестьянам». Это самая ранняя из известных нам прокламаций периода революционной ситуации (она написана незадолго до реформы — в конце 1860 или в самом начале 1861 г.⁴⁷, то есть примерно через полтора года после лондонского свидания Чернышевского и Герцена).

Прокламация прямо говорит о наличии в России того времени революционного центра. Именно он берёт на себя руководство революционным

⁴⁶ «Литературное наследство». Т. 61, стр. 501.

⁴⁷ Аргументация датировки подробно развита мною в статье «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации». «Исторические записки». Т. X, стр. 19—28.

движением, именно он даёт сигнал к началу всеобщего крестьянского восстания. Центр связан с местами, где, очевидно, также существуют революционные организации, действующие по его указаниям. Непосредственная практическая цель прокламации — подготовить организованное массовое крестьянское восстание. Прокламация указывает, что крестьянство должно готовиться к восстанию, но не начинать его, пока не будет «назначения» или «объявления» о нём. Революционная организация, издающая эту прокламацию, берёт на себя руководство восстанием и даёт о нём «объявление»: «Мы уж увидим, когда пора будет и объявление сделаем». Следовательно, революционная организация уже существует.

В прокламации объяснено, каким образом революционеры узнают, что в народе уже есть «приготовленность» к выступлению: «Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да что народ. Вот мы и знаем, что покуда ещё нет подготовленности». Если у руководителей предполагаемого восстания «по всем местам свои люди есть», значит, тайное общество централизовано, имеет тесную связь с местами. Иного вывода не может быть. «А когда подготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну тогда и пришлём такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнётся доброе дело». Не менее ясно свидетельствует о наличии организации и конец прокламации: «А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережём, как и вас просим, чтобы вы себя берегли. А когда будем за доброе приниматься, тогда откроемся».

Рукопись Огарёва «Цель русского движения» и прокламация Чернышевского «Барским крестьянам» во многом перекликаются между собой и проводят одну идею — идею народного восстания. Тактическое решение вопроса о восстании во многом различно, но основная мысль — о соединении крестьянского восстания с организованным восстанием солдат и революционного офицерства — проходит красной нитью в обоих документах.

Прокламация «Барским крестьянам» была лишь одним звеном широко задуманного плана прокламаций. Революционная организация решила издать целую серию прокламаций, обращённых к разным слоям населения: к крестьянам, к молодому поколению, к солдатам, к раскольникам. На мой взгляд, эта система прокламаций, несомненно, является не случайно совпадающими замыслами отдельных людей и была задумана и осуществлена одним центром. Характерно, что авторы прокламаций были хорошо знакомы друг с другом. Тот самый М. И. Михайлов, рукою которого переписано воззвание Чернышевского «Барским крестьянам», сам был соавтором Шелгунова в прокламации «К молодому поколению».

Участвовали ли Герцен и Огарёв в осуществлении прокламационного плана, выработанного петербургским центром? Конечно, да! Прокламация «К молодому поколению», написанная единомышленниками и ближайшими соратниками Чернышевского Шелгуновым и Михайловым, печаталась у Герцена в Лондоне. Это говорит о безусловной связи Герцена с петербургским центром.

Прокламация Чернышевского «Барским крестьянам» набиралась в тайной типографии, но печатание не было закончено, и прокламация, попав в руки предателя, не была распространена. Но замысел издать прокламацию к народу, тем не менее, выполняется. Прокламация на эту тему пишется вновь, печатается и широко распространяется в России. Летом 1861 г. Огарёв совместно с приехавшими к нему активными деятелями петербургского центра — Н. А. Серно-Соловьевичем и Н. Н. Обручевым — пишет прокламацию на ту же тему «Что нужно народу». Случайны ли тут совпадение намеченных тем и совместная работа петербургского и заграничного центров? Думается, что не случайны. Прокламация

«Что нужно народу» была помещена в «Колоколе» 1 июля 1861 г. (№ 102). Задуманный прокламационный план выполнялся и дальше. Одна из опаснейших для правительства прокламаций, «Что надо делать войску», была написана также Огарёвым вместе с участником петербургского центра Н. Н. Обручевым (прокламация напечатана в № 111 «Колокола» 8 ноября 1861 г.). Это подтверждается и агентурными донесениями, игнорировать которые в данном случае нет основания. Агент III отделения доносил, что жена Чернышевского перед рождеством 1861 г. спрятала в сене пачку лондонских изданий и затем тайно отвозила их на монастырское подворье⁴⁸. Очевидно, там останавливался кто-то, распространявший нелегальную литературу. Тот же агент сообщал, что собиравшиеся на квартире Чернышевского революционеры распространяли воззвание к солдатам (очевидно, упомянутую выше прокламацию).

Следовательно, петербургский и заграничный центры совместно реализовали план издания и распространения прокламаций.

Возникновение революционной организации «Земля и Воля» принято датировать 1862 или концом 1861 года. Второе правдоподобнее, так как может быть подкреплено датой выхода программного документа организации — уже упомянутой прокламации «Что нужно народу». К руководству «Землей и Волей» Чернышевский, Огарёв и Герцен имеют непосредственное отношение. В руководящий центр «Земли и Воли» входили братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов и другие. Следовательно, и на начальном этапе существования тайной организации в ней были представлены как петербургский, так и заграничный центры.

Новые документы Пражской коллекции подтверждают руководящую роль Огарёва в «Земле и Воле». Документ «Три вопроса»⁴⁹, автором которого он является, — это директива, вручённая представителю «Земли и Воли», старшему сыну Герцена Александру (конспиративное имя «Junio» — младший). Александр отправлялся в Швецию для устройства там склада конспиративных изданий, типографии и налаживания связей для «присоединения финского общества к русскому», а также для организации восстания в Литве. Характер директивы не оставляет сомнения в том, что Огарёв имел право давать руководящие указания и представлял руководство «Земли и Воли». В директиве сыну Герцена поручалось «учреждение своих почт, т. е. (подбор) людей, через которых можно пересылать и получать сведения из Петербурга». Директива предписывала устроить типографию в Стокгольме «в продолжение двух-трех месяцев», поясняя, что типография необходима, потому что «устранит посылку пропагандных листов и тетрадок из Англии, потому что обязана печатать (по оригиналам) рукописи, присылаемые из Лондона и из русского общества, и вместе с тем заменит тайные станки для России»⁵⁰.

Огарёв объясняет, каковы должны быть «отношения Финляндии к русскому делу» и каково отношение русской организации к будущему Швеции. «С нашей стороны всего благоразумнее желать им (финнам.— М. Н.) отдельного существования, не в федерации, а в союзе с Россией и Швецией». Даются подробные указания относительно связи русского тайного общества с финским («необходимо, чтобы финны сами организовали у себя серьёзное общество, что для них гораздо легче, чем для нас организация нашего общества... финны должны сообщить и нам и обществу подробно: положение своего края...» и т. д.). Нет сомнений, что документ написан членом руководящего центра революционной организации, уполномоченным давать такие ответственные директивы.

⁴⁸ «Красный архив». Т. XIV, стр. 114—115.

⁴⁹ Опубликован в «Литературном наследстве». Т. 61, стр. 518—522. Документ датирован концом марта или началом апреля 1863 года.

⁵⁰ «Литературное наследство». Т. 61, стр. 518—519, 520 и др.

Огарёв говорит, например, что лондонский центр может быть полезен для финских революционеров «заявлением их требований в «Колоколе», а общество З<емля> и В<оля> может быть полезно поднятием финского вопроса постоянными разговорами и даже намёками в петербургской журналистике, так что русское общественное мнение довольно быстро приготовится в пользу самостоятельности Финляндии»⁵¹. Таким образом, и после ареста Чернышевского (документ датируется весной 1863 г.) «Земля и Воля» держит в своих руках нити «петербургской журналистики». Продолжая работать в «Колоколе», Огарёв тесно связан с «Землёй и Волей».

Приведём ещё один пример согласованных действий петербургского и лондонского центров. При аресте Ветгошников в июле 1862 г. было обнаружено письмо Герцена к Н. Серно-Соловьевичу. Герцен писал: «Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве, — печатать предложение об этом? Как вы думаете?» Эти строки ясно свидетельствуют о наличии соглашения относительно сотрудничества и о полной готовности обеих сторон действовать совместно для общего дела. В трудный для «Современника» 1862 год Герцен согласился печатать «Современник» за границей.

Не менее авторитетное свидетельство о единстве действий и тесной связи двух русских политических центров принадлежит Н. Серно-Соловьевичу. Он был в числе тех, кто непосредственно осуществлял живую связь обоих центров. Привожу его неопубликованное конспиративное письмо к Герцену, хранящееся в Пражской коллекции⁵². Письмо было написано в Петропавловской крепости в 1863 году. Н. Серно-Соловьевич был вынужден на допросе отречься от Герцена, чтобы скрыть членов организации, связанных с ним. Его беспокоила мысль, что слух об этом отречении дойдёт до Герцена. Поэтому он нашёл возможность переслать ему конспиративное письмо, объясняющее создавшееся положение. Н. Серно-Соловьевич пишет Герцену: «Я люблю вас, как любил; люблю всё, что любил, ненавижу всё, что ненавидел, но вы довольно знали меня, чтоб знать всё это. Молот изрядно колотит, но он бьёт не стекло. Лишь бы физика вынесла, наши дни придут ещё. Временами грудь чувствовала прелести пенсильванской системы, но теперь ничего, силы есть и будут... Дитя будет, но должно созреть». Последние слова относятся к революции. Понятно, что так можно писать только политическому соратнику, другу. Вынужденный из конспиративных соображений отказаться на допросах от близости к Герцену, Н. Серно-Соловьевич сообщает Герцену о своей неизменной преданности ему и их общему делу. «Вас обнимаю так крепко, как только умею, и возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас. Помните и любите меня, как я вас».

В свете всех приведённых фактов нельзя отрицать совместных действий внутрирусского и лондонского центров. В России в период революционной ситуации 1859—1861 гг. происходила консолидация революционных сил для организованного выступления. Несмотря на борьбу мнений, споры и разногласия, оба революционные центра действовали совместно на пользу «общего дела».

Мы поставили только один из больших вопросов консолидации сил русского революционного движения — вопрос о взаимоотношениях двух крупнейших центров русской революционной борьбы тех лет. Поставленный вопрос, разумеется, не исчерпан. Дальнейшая работа советских историков должна обогатить и расширить изучение этой важной темы, без которой невозможно освещение русского революционного движения в годы революционной ситуации.

⁵¹ «Литературное наследство». Т. 61, стр. 520.

⁵² Письмо публикуется в Т. 62 «Литературного наследства».